

Первый предатель или жертва Великого царя: к вопросу о судьбе Интафрена при дворе Дария I

Василий Павлович Орлов¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия

¹vasiliy_orlov_historian@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа данных Бехистунской надписи и свидетельств античных авторов предпринимается первая в историографии попытка проследить основные жизненные вехи знатного перса Интафрена, который известен как единственный из шести заговорщиков, подвергшийся казни по приказу Дарий I. Автор делает вывод, что в начале правления Дария I Интафрен был одним из наиболее могущественных представителей персидской аристократии. На это напрямую указывает тот факт, что именно Интафрен был послан Дарием подавлять восстание в Вавилоне и косвенно иконография на скале Бехистун. По всей видимости он мог иметь мотив для свержения Великого царя, однако, не смог заручиться поддержкой представителей властной верхушки. Говоря о кончине Интафрена, мы солидаризируемся с исследователями, которые считают, что у Интафрена были потомки, находившиеся на службе ахеменидских монархов. Таким образом, лишение жизни Интафрена нельзя рассматривать как пример проявления вероломной тирании со стороны Дария I. По-видимому, персидская знать пыталась сохранить достигнутый политический консенсус, который Интафрен мог нарушить.

Ключевые слова: Интафрен, Дарий I, Ахеменидская держава, заговор, аристократия, персы

Для цитирования: Орлов В.П. Первый предатель или жертва Великого царя: к вопросу о судьбе Интафрена при дворе Дария I // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 25–36. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.25-36

Сподвижник Дария I знатный перс Виндафарна (Интафрен), сын Ваяспары (*Vayaspāra) – известен не только по тексту Бехистунской надписи, но и античной традиции. Если верить Геродоту,

Интафрен стал единственным из шести знатных персов, выступивших на стороне Дария I в борьбе с магом Гауматой, кто впоследствии впал в немилость новому Великому царю и был казнен. В связи с этим судьба Интафрена в рамках истории Ахеменидской державы представляется уникальной и требует исследовательского внимания. Данная работа представляет собой первую в историографии попытку всестороннего рассмотрения жизни Интафрена с исторической точки зрения. Имя *Viⁿda-farnah*, предположительно, обозначает «обретающий фарн» [8, с. 91, прим. 54]. Известно о его руководстве контингентом войск, который подавлял восстание в Вавилоне; ему удалось захватить лидера восстания Араху, который выдавал себя за Навуходоносора (DB. III, 83–92). Уже из этого сообщения Бехистунской надписи следует, что Виндафарна получил от Дария I крайне ответственное задание – подавить второе восстание в Вавилоне, тогда как первое Великий царь усмирил самостоятельно. Восстанавливая ход событий, можно сконструировать следующую схему. Сначала Дарий I подавляет первый мятеж в Вавилоне, убивает лидера восставших Нидинту-Бела и остается в столичном городе до начала восстаний в Персии и Мидии, которые он также отправляется усмирять самостоятельно. Находясь в походе, Великий царь отдает приказ Виндафарне подавить очередной мятеж в Вавилоне, с чем он успешно справляется. Взятие Вавилона стало очень важным событием, так как тогда этот город был ведущим политическим и экономическим центром всего Древнего Востока.

Анализируя данные Бехистунской надписи, было бы неверным пройти мимо скульптурных изображений сподвижников Дария I. Речь идет о двух мужчинах, которые изображены слева от Великого царя. М.А. Дандамаев полагал, что ими были копьеносец Гобрий и, возможно, лучник Аспатин/Аспачана [4, с. 100]. Если с первым утверждением можно в целом согласиться, то по поводу второго следует высказать иную точку зрения. Вероятно, лучником Дария I на Бехистунском рельефе является Виндафарна. Аргументы в пользу этой позиции следующие. Во-первых, Аспатин, как, кстати, замечал отечественный иранист, не упоминается в тексте Бехистунской надписи, а, следовательно, с чего бы ему появляться на барельефе в виде столь искусного изображения. Во-вторых,

именно Виндафарна вернул под царскую юрисдикцию Вавилон, за это он, собственно, и мог удостоиться чести быть изображенным на монументальном рельефе. В-третьих, непосредственное изображение Аспачаны известно на Накши-Рустамском рельефе благодаря легенде [9, с. 109]. Данное изображение Аспачаны сильнейшим образом контрастирует с лучником, которого мы видим на скале Бехистун. Аспачана держит в одной руке небольшой топорик, а в другой, судя по всему (рельеф несколько поврежден) – горит, а не сам лук. На Бехистунском же рельефе отчетливо видно соратника Дария I, держащего в руке именно лук. В.П. Никоноров полагает, что на Бехистунском рельефе Дарий I держит в руках боевой лук, а его царедворец – церемониальный лук [9, с. 110].

Лук у иранских народов был важным символом царской власти [7, с. 347, прим. 14; 12, с. 84]. В этой связи уместно вспомнить Эсхила, называвшего Интафрена (у драматурга Артафрен – Артафρένης) одним из законных царей, который правил между Бардией и Дарием I (Pers. 778). К сожалению, мы не знаем точно, но можем предположить, что именно после конфликта Виндафарны с монархом на последующих рельефах царедворцы не изображались с луком в руках, а лишь с небольшим топором, копьем и горитом. Помимо прочего, изображения Аспачаны и «бехистунского лучника» сильно различаются стилистически. У персонажей абсолютно разные головные уборы и черты лица. Кроме того, оруженосец Дария I изображен со статусными вещами: отчетливо видны браслеты на запястьях, пояс, возможно, серьги. Однозначно перед нами изображение очень влиятельного и знатного перса, и мы с высокой долей уверенности считаем, что перед нами изображение именно Виндафарны (аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие исследователи, однако зачастую не аргументируют свою позицию. См. напр.: [22, с. 30]). Также стоит отметить, что в тексте на скале Бехистун по отношению к Виндафарне применяются важные социальные термины *bandakā* [10, с. 70] и *maθišta* [13, с. 84], которые указывают на прочную связь с царём и высокий социальный статус. Теперь обратимся к античным источникам, в которых Виндафарна именуется Интафреном, Интаферном, Артафреном.

Впервые упоминание об Интафрене находим у Эсхила (Pers. 778). У греческого драматурга он назван Артафреном (Ἀρταφρένης) и выступает убийцей Марда, т.е. мага Гауматы. М.А. Дандамаев отмечал: в традиции известной Эсхилу «душой заговора» против Гауматы был Интафрен [4, с. 79]. Греческий автор одаривает Интафрена гомеровским эпитетом ἑσθλός. Ю.В. Андреев считал, что Гомер использовал этот эпитет при описании идеальных героев, наделенных воинской доблестью [1, с. 131, прим. 3]. По его мнению, воинская доблесть в понимании аэда может быть «привилегией лишь одного общественного класса, а именно аристократии» [1, с. 131, прим. 3]. Если Ю.В. Андреев не был склонен считать ἑσθλός социальным термином, то В.В. Ставнюк определенно утверждает, что слова ἀγαθός, ἑσθλός, κακός, δειλός и др. являются частью социальной терминологии, которая используется для описания аристократов [14, с. 77, прим. 111]. Данный вопрос в любом случае спорный, однако нам импонирует вторая точка зрения, т.к. Эсхил, будучи сам аристократом и доблестным воином, воспринимал знатных персов как достойных противников, возможно, даже равного себе социального статуса. В пользу этого говорит его очень красочное и в целом скорее позитивное описание персидских полководцев (Pers. 20–32), а также собственная эпитафия, в которой Эсхил называет мидян βαθυχαιτήεις («длиноволосяе», «с длинными, густыми кудрями»), что может быть отсылкой к характеристике длиноволосях греческих аристократов.

Похоже, ввиду этого, Эсхил не считает убийство Гауматы Артафреном чем-то постыдным. Напротив, этот поступок воспринимается как благо, а не банальный захват власти, учитывая, что Эсхил называет Артафрена седьмым царем Персидской державы (Pers. 778.). Артафреном (Ἀρταφρένης) Эсхил именуется ещё одного персонажа, а именно полководца в войске Ксеркса (Pers. 21). Для драматурга и его читателей – это может быть один и тот же человек, т. к. в тексте «Персов» оба Артафрена не идентифицируются как разные люди. Этого Артафрена Эсхил также именуется одним из четырех царей при царе величайшем. Из описания драматурга следует, что этот Артафрен был умелым всадником и начальником одного из четырех воинских контингентов.

Вывод о том, что это два разных человека мы делаем из сообщений Геродота, где сказано, о казне Интафрена (Ἰνταφρένης), который ассоциируется с эсхиливским Артафреном. Итак, обратимся к «отцу истории», у которого повествуется о бесславной кончине знатного перса. Из рассказа Геродота мы узнаем множество любопытных сведений из возможной биографии Интафрена. Так, к заговору против Гауматы его привлек знатный перс Отан (Hdt. III, 70), а непосредственно во время убийства самозванца Интафрен лишился глаза (Hdt. III, 78). Греческий историк сообщает об Интафрене, якобы казненном сразу же после того, как Дарий I стал Великим царем, однако это вряд ли соответствует действительности, т.к. тогда его имя вряд ли бы высекли на скале Бехистун.

В любом случае дату гибели Интафрена невозможно установить. Так, А. Олмстед [21, с. 143] относил её к 518–519 гг. до н.э., а М. А. Дандамаев [3, с. 184] указывал на то, что это событие могло произойти после 520 г. до н.э. Наиболее странным в пассаже Геродота выступает причина, по которой Интафрен впал в немилость к царю. У него говорится о желании знатного перса попасть на аудиенцию к Дарию I для обсуждения некоего вопроса. Интафрен имел право входить в покои царя без предварительного уведомления, однако лишь в том случае, если монарх не находился в женской части дворца. Страж двери (ὁ δὲ πυλῶρός) и докладчик (ἀγγεληφόρος) не пустили его, объяснив, что царь находится в женской половине. Не поверив этим словам, Интафрен отрезал слугам уши и нос, но оставил их в живых, а после этого Дарий I заподозрил соратника в измене.

Из этого пассажа сложно вычлениить факты, однако сразу бросается в глаза крайне неадекватное поведение Интафрена. Б. Линкольн предложил достаточно оригинальную и вполне убедительную трактовку этого сюжета. По его мнению, отрезание ушей, а также других частей тела, отвечающих за работу органов чувств, может быть наказанием за лживость [19, с. 135–144]. На материалах Бехистунской надписи и Авесты исследователь доказывает, что в восприятии персов лживый человек неспособен корректно воспринимать услышанную информацию, а, следовательно, его уши уже поражены ложью, которая воспринимается как скверна, и должна быть вычищена путем членовредительства

[19, с. 135–144]. Отметим, что, согласно Бехистунской надписи, Дарий I перед казнью отрезал уши, нос и язык, а также выколол один глаз двум предводителям мятежников – мидийцу Фравартишу (DB. II, 70–78) и сагартийцу Чиссатахме (DB. IV, 78–91). Оба выдавали себя за потомков мидийского царя Киаксара, а значит, они были представителями ираноязычных народов. Подобное наказание за измену или другое серьезное преступление, похоже, имело место у персов, мидийцев и других иранских этносов.

В пользу этого предположения свидетельствует сообщение позднего автора Аммиана Марцеллина, в котором говорится, что Артаксеркс I был добросердечен и вместо ушей приказывал отрезать у провинившихся персов шнурки, свисавшие с головного убора (XXX. 8. 4), а также геродотовская история о Зопире, взявшем хитростью Вавилон. Напомним, знатный перс собственноручно отрезал свои нос, уши, а также остриг волосы и избил себя бичом (Hdt. III, 154), дабы убедить вавилонян в том, что находится в опале у Дария I. Геродот называет Зопира ἄνδρα [τὸν] δόκιμωτάτων (Hdt. III, 155); это словосочетание Г. А. Стратановский переводил как почтенный человек [15, с. 185]. К.К. Зельин отмечает использование слов δόκιμος и δόκιμωτάτος для обозначения высшего круга греческого гражданства, включавшего командиров крупных подразделений, флотоводцев и глав посольств [6, с. 119–120]. Он также обратил внимание на двукратное использование Геродотом эпитета δόκιμος к персам: Артахею из рода Ахеменидов (Ἀρταχάην, δόκιμον ἔοντα παρὰ Ξέρξῃ καὶ γένος Ἀχαμενίδην – Hdt. VII, 117) и Артабазу, сыну Фарнака (Ἀρτάβαζος ὁ Φαρνάκεος, ὃς ἐν ὀλίγοισι Περσέων ἦν ἀνὴρ δόκιμος παρὰ Ξέρξῃ – Hdt. IX, 41). В свою очередь, Юстин (Just. II, 10, 20) наделяет Зопира знатностью (nobilitas) и доблестью (virtus). Вполне возможно, что обычай отрезать уши и другие части головы воспринял Александр Македонский. Юстин пишет о том, что Александр заподозрил в измене историка Каллисфена и приказал отрезать ему уши, нос и губы (Just. XV, 3, 4). А узурпатор Бесс, по приказу Александра, также был сначала лишен ушей и носа, а затем казнен в Экбатанах.

Но вернемся к анализу поступка Интафрена. Знатный перс Зофир заявляет, что только Дарий I имел бы право причинить все те увечья, которые он нанес себе сам ради совершения доблест-

ного поступка (Hdt. III, 155). Исходя из всего сказанного, следует предположить, что отрезать уши, нос и наносить увечья знатым персам можно было лишь по указанию Великого царя. Страж двери (ὁ δὲ πύλῳρος) и докладчик (ἀγγεληφόρος) однозначно были уважаемыми знатыми людьми и покушение на их жизнь и здоровье воспринимались как серьезная опасность для государя и его окружение. В пользу высокого социального статуса этих персонажей говорит и то, что Интафрен не осмелился их убить и оставил в живых, зная, об их возможности обо всем доложить Дарию I.

Поступок Интафрена был воспринят как измена, но перед наказанием уже бывшего сподвижника, монарх допросил оставшихся пять знатных персов, дабы выяснить, не являются ли действия Интафрена частью спланированного заговора. Резонно допустить, что допрошенные персидские аристократы не признали бы вины, но с другой стороны вряд ли их ложь могла бы остаться не раскрытой. Так или иначе, Интафрен, по сути, коллегиально был признан изменником и арестован вместе с сыновьями и остальными родственниками (παῖδας αὐτοῦ καὶ τοὺς οἰκίῳους πάντας – Hdt. III, 113). Здесь важно отметить, что супруга Интафрена осталась на свободе, но её брат был также схвачен.

Так называемая новелла о жене Интафрена (этой теме посвящено множество статей. См, например [18, с. 101–109; 23, с. 315–318]) – крайне любопытный сюжет, на котором стоит остановиться подробнее. У Геродота история о том, как безымянная жена вымолила у Великого царя свободу для своих родственников, на первый взгляд, демонстрирует женское остроумие, однако смысл новеллы куда глубже. Если мы принимаем эту историю за правду, но отбрасываем её литературную обработку, то можем получить следующую интерпретацию. Дарий I освободил шурина Интафрена, т. к. скорее всего он принадлежал к родственному именитому роду, например, Ахеменидам. Действительно, сложно представить, что знатный перс Интафрен, некогда подавивший восстание в Вавилоне и получивший царскую протекцию, мог жениться на незнатной особе. Возможно, кровные родственники жены Интафрена могли повлиять на окончательное решение Великого царя. С другой стороны, также нельзя исключать, что Интафрен мог состоять в браке

с сестрой, т. к. это считалось вполне приемлемым и даже почетным среди персов.

В свою очередь старший сын Интафрена был освобожден, т. к. в противном случае Дарий I нарушил бы свой собственный наказ о защите знатных персидских родов со стороны царской власти (DB. IV, 80–86; 86–88). С другой стороны, мольба жены Интафрена пощадить именно брата, а не сына или мужа может отражать схожее отношение индоевропейских народов к кровному родству. Так, мотив спасения брата вместо сына и мужа присутствует в одной из древнеиндийских притч, и по этому поводу П.А. Гринцер отмечал схожесть сюжетов джатаки, геродотовской новеллы и «Антигоны» Софокла [2, с. 234]. Если мы допускаем возможность проникновения этой новеллы в «Историю» из персидских фольклорных источников, а в свою очередь афинский драматург помещает этот сюжет в «Антигону» ввиду его духовной близости эллинам, то получаем гипотезу о том, что представления о кровном родстве у древних индийцев, персов и эллинов были очень схожи, если не идентичны. Есть мнение, согласно которому, эпизод «Антигоны», соотносящийся с новеллой Геродота, является поздней вставкой [16, с. 49]. Данная позиция не умаляет нашей аргументации, а напротив даже подтверждает идею о том, что подобное отношение к кровным родственникам было близко эллинам. Иначе, зачем нужно было бы делать подобную вставку в «Антигону»? Б.Н. Путилов отмечает, что точно такой же мотив встречается в песне об Авдотье Рязаночке. По его мнению, «в основе мотива выбора брата лежат представления о решающей роли кровнородственных связей, характерные для родового строя» [11, с. 70].

В любом случае для нас важно попытаться выискать историческое ядро в сообщении Геродота касательно Интафрена. На наш взгляд, можно однозначно заключить, что род Интафрена не прервался, а выживший старший сын, судя по всему, упоминается у Эсхила под именем Артафрэнис и командует контингентом войск в армии Ксеркса I. Э. Бэдиан не исключал, что потомком выжившего сына Интафрена мог быть сатрап Фратаферн [17.]. Кроме того, отсутствие каких-либо данных о генеалогии Интафрена у греческих авторов могут свидетельствовать о том, что Дарий I действительно имел конфликт с представителем персидской аристократии,

который фигурирует в Бехистунской надписи первым и, безусловно, имел высокий социальный статус.

Помимо Геродота, персонаж, которого можно идентифицировать [20, с. 28, прим. 77] с Интафреном, упоминает Ктесий Книдский (FGrH. 688. F13. §16). Историк рассказывает о заговоре семи персов и упоминает Атаферна (Αταφέρνης). В любом случае здесь мы находим лишь упоминание имени. Схожую ситуацию отмечаем у Ксенофонта (Xen. Cyr. VIII, 3, 21). Он упоминает некоего Даиферна (Δαϊφέρνης), которого М. А. Дандамаев считал представителем рода Интафрена, якобы стремившегося к независимости ещё при Кире II [3, с. 174]. Отечественный иранист, исходя из сообщения Ксенофонта, сделал очень далеко идущий и вряд ли корректный вывод. В «Киропедии» лишь говорится о Даиферне, который был в числе друзей Кира II, однако из-за своей непочтительности царь отказался от его помощи. Ещё И.М. Дьяконов отмечал, что имя Даиферн скорее вымышлено Ксенофонтом и стилизовано под иранское [5, с. 31, прим. 5].

В начале анализа мы представляли схему, восстанавливающую ход событий, связанных с подавлением второго восстания в Вавилоне. Из этой реконструкции следует, что в какой-то момент (предположительно после 520 г. до н.э.) Интафрен оставался в Вавилоне без Дария I и, возможно, с крупным контингентом войск. С большей долей вероятности можно предположить, что именно в этот период, когда Интафрен был в Вавилоне, у него возникло желание организовать мятеж против Дария I.

Благодаря анализу текста и иконографии Бехистунской надписи, а также сведений античных авторов нам, пожалуй, удалось показать, что Интафрен недолгое время был, по сути, вторым человеком после Дария I. Скорее всего, он решил стать первым и с помощью ближайших родственников пытался организовать заговор против Великого царя. Сговор был раскрыт, т. к. остальных знатных персов Дарий I устраивал в качестве монарха, и они уже не хотели очередного дворцового переворота. С другой стороны, нельзя исключать желание Дария I попросту избавиться от серьезной политической фигуры. К сожалению, имеющиеся источники пока не позволяют нам однозначно реконструировать жизненный путь Интафрена и его семьи.

Библиография

1. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1976. 141 с.
2. Гринцер П.А. Литература второй половины I тысячелетия до н. э.: [Древнеиндийская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 1 / Отв. ред. И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1983. С. 204–251.
3. Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 290 с.
4. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. – 319 с.
5. Дьяконов И.М. История Мидии. Баку: “Нагыл Еви”, 2012. 332 с.
6. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н.э. М.: Наука, 1964. 269 с
7. Иванчик А.И. Ещё раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8-10) // Миф. 7. Ἀποθέσις. На acad. Дмитри Сергеевич Раевски. – София: НБУ, 2001. С. 324–350
8. Кулланда С.В., Раевский Д.С. Эминак в ряду владык Скифии // Вестник древней истории. 2004. №1. С. 79–95.
9. Никоноров В.П. Боевые топоры и их культ у древних народов Средний Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего Средневековья) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В.А. Алекшин – СПб. : ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. 464 с.
10. Орлов В.П. Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина *bandakā*) // Проблемы истории филологии и культуры. 2018. №4. С. 66–77.
11. Путилов Б.Н. Русский историко–песенный фольклор XIII–XV веков. М.-Л. : Наука, 1960. 300 с.
12. Раевский Д.С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник и его семантика») // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). / Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.). М.: Наука, 1977. С. 81–86.
13. Рунг Э.В., Орлов В.П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. №2. С. 83–91.
14. Ставнюк В.В. Становлення афінського поліса. – Київ: Аквілон-Плюс, 2005. – 216 с.
15. Страгановский Г.А. Геродот. История. Л., 1972., 600 с.
16. Ярхо В.Н. Трагедия Софокла «Антигона»: Учеб. Пособие для филол. спец. Вузов. М.: Высш. шк., 1986. 111 с.
17. Badian E. Phrataphernes // [Электронный ресурс] // Encyclopedia Iranica, New York: Iranica online: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/phrataphernes> (дата обращения: 25.02.2022)
18. Hardy C.S. Nomos and Replaceability in the Story of Intaphrenes and His Wife // TAPhA. 1996. Vol. 126. P. 101–109;

19. Lincoln B. Representing the Lie in Achaemenian Persia // *Démons iraniennes. Études zoroastriennes I* / Ed. by É. Pirart, P. Swennen. Liège, 2015. P. 135–144.
20. Nichols G. The Complete Fragments of Ctesias of Cnidus Translation and Commentary with an Introduction. PhD Diss. University of Florida. 2008. 252 p.
21. Olmstead A. History of the Persian Empire. – Chicago, 1948. 670 p.
22. Renshaw J. Period Study: The Persian Empire, 559–465 BC // OCR Ancient History GCSE Component 1: Greece and Persia / Ed. by S. Baddeley, P. Fowler, L. Nicholas, J. Renshaw. Bloomsbury Academic. 2017. 311 p.
23. Zellner H.M. Antigone and the Wife of Intaphrenes // *Classical World*. 1997. Vol. 90. P. 315–318.

Автор публикации:

Орлов Василий Павлович – кандидат исторических наук, ассистент, кафедра археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, vasilii_orlov_historian@mail.ru

The first traitor or victim of the Great King: to the question of fate of Intaphrenes at the court of Darius I

Orlov V.P.

Abstract. Based on the analysis of data from the Behistun inscription and the evidence of ancient authors, the article makes the first attempt in world historiography to trace the biography of the noble Persian Intaphrenes, who is known as the only one of the six conspirators who was executed by order of Darius I. The author concludes that at the beginning of the reign of Darius I Intaphrenes was one of the most powerful representatives of the Persian aristocracy. This is directly indicated by the fact that it was Intaphrenes who was sent by Darius to suppress the uprising in Babylon and indirectly by the iconography on the Behistun rock relief. Apparently, he could have had a motive to overthrow the newly-made Great king, however, he could not enlist the support of representatives of the ruling elite. Speaking about the death of Intaphrenes, we agree with researchers who believe that Intaphrenes had descendants who were in the service of the Achaemenid monarchs. Thus, the killing of Intaphrenes cannot be regarded as an example of perfidious tyranny on the part of Darius I. Apparently, the Persian nobility tried to maintain the political consensus reached, which Intaphrenes could break.

Keywords: Persian Intaphrenes, Darius I, Achaemenid power, conspiracy, aristocracy, Persians

For citation: Orlov V.P. The first traitor or victim of the Great King: on the fate of Intaphrenes at the court of Darius I. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):25–36. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.25-36

Publication author:

Orlov Vasilij Pavlovich – PhD in History, assistant, Department of Archaeology and General History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: vasilij_orlov_historian@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 21.02.2022
Принята к публикации / Accepted 07.03.2022